

Мама Вера, или история о страшном ошибочном диагнозе

Заканчивается рабочий день в большой больнице, переполненной горем и надеждой. Дописав последние строки в пухлых историях болезни, ушли усталые врачи. Отгудели и отмигали своё аппараты для диагностики и лечения. На постах медсестёр уютно зажглись бессонные настольные лампы. В ординаторских у дежурных врачей закипали чайники. А в палатах, где дремали утомлённые болезнью и лечением дети, тихо беседовали мамочки. Каких только историй борьбы и мужества не услышишь в такие часы...

Но эта история запомнилась мне на всю жизнь. Только что, придя в себя после приступа, заснула десятилетняя девочка. Во время приступа, когда она упала, другие мамочки позвали врачей и ординаторов, те беспомощной толпой стояли у её кровати. И ничего не могли сделать. Ей, конечно же, капали лекарство, проводили лечение курс за курсом, но во время самого приступа сделать что-нибудь было невозможно. Девочка приходила в себя сама.

А так, на первый взгляд, была девочка как девочка, только хмурая после приступа, смотрела на всех исподлобья и всё решала в тетрадках примеры и задачи. Приступы случались всё реже и реже. Так говорила мама.

В тот вечер мы разговорились. Мама девочки, Вера, рассказывала спокойно и ровно. Просто про жизнь.

— Дочка моя отличницей была. С первого класса. Резвушка и хохотушка, каких поискать, и учёба ей давалась легко, и на танцах всегда солистка, и в музыкальной школе ею нарадоваться не могли. Конечно, уставала. Но не хотела ни танцы, ни музыкалку оставлять. Чтобы она отдохнула, я отправила её в деревню к родственникам. В Зябликово. На всё лето...

На всё лето в Зябликово... Вы понимаете? Мы из Белоруссии. Я теперь как врачам скажу — они глаза отводят. А я сама отправила. Мы не знали ничего... одни слухи ходили...

Вот в начале учебного года и случился первый приступ. Потом всё нормально было... На отправили домой, сказали — устала. Бросили танцы и музыкалку, хоть она рвалась, плакала. Отправила на майские в другую деревню. Только приехала домой — звонят, говорят: приступ, забирайте скорее. Там, в райбольнице, ничего не могут понять. Отправили в город. И там из комы вывести не могут. Меня из палаты гнали, а я по инстанциям — и снова к ней. Как пробивалась — не знаю. Просто знала, что я должна быть там. Сидела и [молилась](#).

Молюсь — вижу, что ей легче. [Врачи](#) на меня смотрят, как на сумасшедшую. Я им на цифры показываю на мониторе, там ЧСС и АД. Они говорят — это на голос. Да хоть бы и на голос. Значит, слышит, она живая, реакция есть. А если молиться — всё быстрее меняется, вот все цифры, смотрите. Они посмотрели и отстали. Начали пускать.

Потом, через две недели, говорят: надо в Минск везти. Перевозить нужно, что делать. А Минск — не дорогу перейти. Перевозка нужна. А где её возмёшь? Кто даст за 150 километров ребёнка в коме перевозить?

Я дочке всё рассказала, велела меня дожидаться, поехала в Минск. Добилась приёма. Они сначала отмахивались. Говорят: дайте ей умереть спокойно, другую родите. А мне не надо другой, понимаете? Эта жить должна! И молюсь.

Надоела я им. Дали перевозку. Дочка перед дорогой получше стала. Привезли. Стали что-то капать — у неё снова приступы. Кома. Два с половиной месяца в коме. Они мне говорят: столько нельзя ИВЛ держать. Отключим. Я опять пороги обиваю. Они говорят: всё равно помрёт. Если и выживет — мозг пострадал уже так, что кормить всю жизнь будете через зонд. Зачем вам овощ?

Пусть овощ, зато жива. Моя родная доченька, не понять вам... И вот верю я, что они неправы. Чувствую и всё — неправы они, нельзя выключать. Сказали: две недели — и всё. Больше не можем держать. Я выбила ещё неделю. Хожу и молюсь, сижу с ней и молюсь, сплю и молюсь... Всё отделение там мыла. Иначе не пускали...

А в конце недели она сама задышала. Убрали трубки. Я прямо рядом с её кроватью сутки проспала. Потом нас выписали.

Месяц кормила через зонд. Потом она глотать начала. Потом жевать научилась. Когда мы на обследование сами, своими ногами, пришли, все на нас смотреть сбежались. Никто ж не верил...

Приступы вот оставались. Уже не такие тяжёлые, но были. Не могли нам лекарство подобрать. Я опять по кабинетам. Отправили вот в Москву. Слава Богу, здесь почти сразу нашли противосудорожное. Нам даже стали бесплатно выдавать. Сюда ездим на консультацию и обследование. Приступы всё реже. Теперь вот школу догоняем. Отличница же была. Догоним.

На следующий день наша палата опустела, мама с дочкой уехали. Рассказ этот впечатался в сердце...

Как часто её «Хожу и молюсь... Чувствую и всё — неправы они...» оказывалось для нас с сыном той соломинкой, которая сквозь волны отчаяния и безнадёжности давала возможность спокойствия и кроткой уверенности, заставляло жить и бороться дальше...

Мы тоже тогда победили... Очень страшный диагноз оказался неверным...

Татьяна Любимова